

ИЗ КНИГИ «ЕССЕ НОМО»

«Утренняя заря» — книга утверждающая, в ней есть глубина, но вместе с тем — свет и добро. То же самое, но с еще большим основанием можно сказать и о «*Gayascienza*»: почти в каждой ее фразе глубина мысли сочетается с шаловливой легкостью — мудрость и резвость идут рука об руку как нежные друзья. Стихи, исполненные чувства благодарности к самому прекрасному месяцу — январю (вся книга его подарок), открывают те самые глубины, в которых рождается та искрящаяся радость, что делает «науку» веселой:

Пламенным копьём разбивший
Горный лед души моей,
В бурный путь ее пустивший
К чаяньям среди скорбей,
Пленный дух, в былом кошмаре
Претерпевший долгий гнет,
Величает Януарий
Твой торжественный приход!¹

Сбудутся ли те чаяния, о которых говорится здесь, — в этом может сомневаться лишь тот, кто не заметил, как засверкала в конце четвертой книги алмазная красота слов, сказанных Заратустрой в самом ее начале! Кто пропустил гранитные строки в конце третьей книги, из которых впервые сложились формулы, способные вместить в себя судьбу всех времен? Песни принца

¹ Перевод В. Топорова.

Фогельфрая, большая часть которых была написана на Сицилии, призваны напомнить о понятии, родившемся в Провансе, — о «*gaia scienza*», о том единстве певца, рыцаря и вольнодумца, которое отличало чудесную раннюю культуру провансальцев от всех прочих двусмысленных культур; взять хотя бы стихотворение «К Мистралю», представляющее собой настоящую плясовую, необузданная стихия которой увлекает прочь от морали, заставляя — уж извините — просто забыть о ней, — вот совершенный образец провансальского духа.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

1

Эта книга требует, вероятно, нескольких предисловий, но и тогда нельзя быть уверенным в том, что все эти предисловия могут хоть как-то облегчить понимание тех мыслей, чувств, которые вложены в нее, если человек сам не пережил нечто похожее. Она словно написана языком весеннего ветра: в ней есть высокомерие, беспокойство, противоречия, апрельская тревожность, когда все еще напоминает о близости зимы, но в то же время уже чудятся предвестники *победы* над зимой, победы, которая уже не за горами, она придет, непременно придет, а может быть, уже пришла... Нескончаемы благодарственные излияния, как будто только что произошло нечто совершенно неожиданное, благодарность выздоравливающего — ибо именно *выздоровление* и было той ошеломляющей неожиданностью. «Веселая наука»: это сатурналии духа, который терпеливо переносил невыносимо долгий гнет, — терпеливо, строго, хладнокровно, не сдаваясь, но и не лелея больших надежд, — и вот теперь в мгновение ока преобразился, почувствовав прилив надежды, надежды

на окончательное выздоровление, почувствовав *пьянящий вкус* выздоровления. И нет ничего удивительного в том, что тут встречаются какие-нибудь сумасбродные проделки и милые дурачества, ибо много здесь и шаловливой нежности, которая достается даже тем проблемам, которые не любят близко подпускать к себе и ошетилившись встречают любую попытку приласкать и приручить их. Вся эта книга и есть не что иное, как веселое развлечение после долгого воздержания, бессилия, ликование возвращающейся силы, очнувшейся ото сна веры в завтра и послезавтра, острого чувства будущего, предчувствия его, предчувствия грядущих приключений, и распахивающихся морских просторов, и новых целей, которые теперь дозволены, в которые теперь снова можно верить. А сколько всего у меня позади — эта жизнь как в пустыне, изнеможение, неверие, оцепенение в расцвете юношеских сил, эта противостественная преждевременная дряхлость, эта тирания боли и еще более жестокая тирания гордости, которая восстала против *непременных спутников* боли — против утешений, — это радикальное одиночество как средство самозащиты от мизантропии, превратившейся в нечто болезненно-пророческое, эта исключительная сконцентрированность на всем том, что есть в познании горького, терпкого, причиняющего боль, как того требует настоящее отвращение, берущее свое начало в той неосмотрительной духовной диете и изнеженности, именуемой обыкновенно романтикой, — о, кто мог бы еще вынести такое! Но если бы нашелся такой человек, он сумел бы увидеть в этой книге не только озорные глупости, проказы шутника, «веселую науку», он оценил бы по достоинству, к примеру, ту горстку песен, что на сей раз предпосланы этой книге, — песен, в которых поэт безбожно потешается над поэтами. Ах, не только на поэтов и их прекрасные «лирические чувства» этот воскресший из праха вития должен излить свою злость: кто знает, какие жертвы ищет он себе,

какая чудовищная пародия созреет в скором времени в его воображении? «*Incipit tragaedia*»¹, — говорится в конце этой озабоченно-беззаботной книги: но надо держать ухо востро! Намечается нечто из ряда вон скверное и злое: *incipit parodia*², в этом нет никакого сомнения...

2

Но оставим в покое господина Ницше, какое нам дело до того, что господин Ницше снова стал здоровым?.. Для психолога нет более интересного вопроса, чем вопрос о соотношении здоровья и философии, и если случается так, что он сам заболевает, то весь свой научный пыл он обращает на свою болезнь. Ведь всякая личность, при условии, конечно, что она действительно является таковой, нуждается в философии личности, — правда, при этом имеется одно весьма существенное различие. Один философствует от нищеты и немощи, другой — от богатства и переизбытка силы. Для первого такая философия — насущная *необходимость*, неважно, какую роль она играет — поддержки, успокоительного средства, лекарства, избавления, возвеличивания, самоотчуждения; для второго — это всего-навсего приятная роскошь, в лучшем случае наслаждение торжествующей благодарности, которая в довершение ко всему непременно хочет увековечить себя космическими прописными буквами на небосклоне понятий. Обычно же, однако, движущей силой философии становится беда, несчастье, как это имеет место у всех больных философов — а в истории философии больные мыслители, наверное, составляют подавляющее большинство, — но во что превращается мысль, рожденная под *гнетом* болезни? Это вопрос, который касается психологов: и здесь возможен эксперимент. Подобно тому как чело-

¹ Трагедия начинается (*лат.*).

² Пародия начинается (*лат.*).

век, который утром собирается отправиться в путешествие, настраивает себя на определенный час, когда ему нужно встать, и после этого преспокойно отдается сну, мы, философы, должны на некоторое время — конечно, только если мы действительно больны — отдаться душой и телом болезни, — мы должны как бы закрывать глаза на самих себя. И точно так же, как тот путешественник знает, что есть в нем некая сила, которая не дремлет, которая отсчитывает часы, чтобы вовремя разбудить его, так и мы знаем, что в нужный момент мы очнемся — что неведомая сила сумеет вовремя *поймать с личным дух*, я бы сказал точнее — уличить его в слабости, измене, или покорности, или закоснелости, или помрачении, — словом, как ни называй, но все это болезненные состояния духа, которым обыкновенно, когда речь не идет о болезни, противостоит *гордость* духа (как говорится в старинном стихе, «гордый дух, павлин и конь, три гордых зверя, их не тронь»). Такой пристрастный самоанализ, такое самоискушение воспитывают большую пронизательность, позволяющую смотреть на все то, что было нафилософствовано до сих пор, совсем другими глазами; уже без всякого труда ты можешь уловить тот момент, когда мысль стремится произвольно ускользнуть, пойти в обход, спокойно отдохнуть, понежиться на солнышке — только страждущих философов прельщает такой путь, о котором они с вожделением мечтают именно в силу своего бессилия; теперь понятно, куда больное тело и его немощь толкают, гонят и влекут дух — к солнцу, тишине, покою, терпению, лекарствам, бальзамам, неважно, в каком смысле. Любая философия, которая выше ставит мир, а не войну, любая этика, которая толкует понятие счастья как отрицательное явление, любая метафизика и физика, которые признают только один финал, только один вид конечного состояния, любое стремление, как правило эстетическое или религиозное в своих основах, к чему-то постороннему, потустороннему,

запредельному, беспредельному — позволяют задать вопрос: а не является ли именно болезнь тем началом, которое вдохновляло философов? Бессознательное желание скрыть свои психологические потребности под покровом объективного, идеального, чисто духовного пугает своими далеко идущими последствиями, — я сам уже не один раз задавал себе вопрос, а не была ли вся философия, по большому счету, простым лишь толкованием тела, причем *неверным толкованием тела*. За самыми высокими ценностями, которые до сих пор имели определяющее значение для всей истории человеческой мысли, скрывается некая физическая ущербность — неважно, идет ли речь об отдельном человеке, о целом сословии или расе. Вполне возможно, все те отчаянные глупости метафизики, в особенности вопрос о *ценности* бытия, следовало бы рассматривать прежде всего как симптомы определенного физического состояния; и даже если ни в одной из этих жизнеутверждающих или жизнеотрицающих концепций с научной точки зрения не будет и крупицы здравого смысла, для историка и философа они будут представлять несомненную ценность прежде всего как симптомы определенного физического состояния тела, о которых уже говорилось выше, как показатели его совершенства и несовершенства, его полноценности, мощи, самообладания в исторической перспективе или же, наоборот, как признаки его скованности, усталости, бессилия, предчувствия близкой смерти, его воли к смерти. Я все еще не потерял надежды, что явится когда-нибудь *философ-врач*, в исключительном смысле этого слова, — тот, кто сможет заняться изучением проблемы общего здоровья народа, эпохи, расы, человечества, — и у него достанет мужества найти доказательства того, о чем я только смутно догадывался, и сформулировать это как окончательный вывод: не «истина» была до сих пор предметом философствования, а нечто совсем другое — скажем, здоровье, будущее, рост, власть, жизнь...

Можно догадаться, что я не без благодарности хочу распрощаться с тем временем, когда меня мучил тяжелый недуг, хотя и по сей день я еще не исчерпал все преимущества этого состояния: я твердо убежден, что мое шаткое здоровье дает мне несомненные преимущества перед всеми теми, кто так пышет здоровым духом. Философ, который проходит, не думая останавливаться, через множество видов здоровья, проходит через такое же множество философий: ему не остается ничего другого, как всякий раз переводить свое состояние в самую одухотворенную форму, увлекая его в самые одухотворенные дали, — это искусство трансфигурации и есть философия. Мы, философы, не можем по своему усмотрению провести границу между душой и телом, как это делает простой народ, и еще труднее нам провести границу между душой и духом. Мы ведь не какие-нибудь думающие лягушки, не объективирующие-регистрирующие аппараты, у которых внутри холодная бездушная пустота, мы вынуждены постоянно рожать наши мысли из боли и вкладывать в них всю нашу кровь, душу, огонь, радость, страсть, муку, совесть, судьбу и рок, как делают все матери, — для нас это означает постоянно превращать все то, что составляет нашу сущность, в свет и пламя; а также все то, с чем мы соприкасаемся, — мы ведь не *можем* иначе. А что касается болезни, то мы едва ли сумели удержаться от того, чтобы не задать вопрос: можем ли мы вообще обойтись без нее? Только великое страдание является последним освободителем духа, учителем, который ловко сам умеет втирать очки, доказывая, будто то, что нам кажется белым, — на самом деле черное, а то, что кажется понятным, — на самом деле непонятно. Та самая долгая, медленная боль, которая никуда не спешит, которая сжигает нас, как будто на медленном огне, и заставляет нас, философов, погрузиться в наши глубочайшие глубины, отринув все то доверчивое, добродушное,

неявное, кроткое, невыразительное, что было до сих пор, наверное, воплощением нашей человечности. Я сомневаюсь в том, что такая боль «улучшает», — но я твердо знаю, что она *углубляет*. И неважно, учимся ли мы противопоставлять ей нашу гордость, нашу язвительность, нашу силу воли и поступаем так же, как индеец, которому нипочем самые жестокие мучения, ибо он с лихвой расплачивается со своим мучителем смертоубийственной силой своего злого языка; или мы бежим от боли в то восточное «ничто» — его называют нирваной, — в ту немую, неподвижную, глухую самопогруженность, в самозабвение, самоугасание: после таких упорных, опасных упражнений, приучающих владеть собою, мы выходим совсем другими, у нас уже несколько больше вопросов, но главное — неукротимое *желание* спрашивать прежде всего больше, глубже, строже, жестче, злее, тише, чем мы это делали до сих пор. Исчезло доверие к жизни: сама жизнь превратилась в *проблему*. Только не надо думать, что от этого *всякий* непременно рискует стать угрюмым букой! Даже любовь к жизни еще вполне возможна — только любовь будет иная. Это любовь к женщине, которая пробуждает в нас сомнения. ...Радость от соприкосновения со всем проблематичным и ликование по поводу любого неизвестного «X» у таких высокодуховных, высокоодухотворенных людей столь велики, что их яркое пламя затмевает все трудности, которые сулят проблемы, все те опасности, которые таятся в неизвестном, и даже ревность любящего. Мы знаем, что такое новое счастье...

4

И наконец, чтобы не забыть сказать о самом существенном: из таких глубоких пропастей, из таких тяжелых недугов, из недуга тяжелого подозрения, например, выбираешься как *заново рожденный* — без старой

кожи, более чувствительный ко всяким раздражениям, более злой, с более тонким вкусом к наслаждениям, с более мягкими суждениями о разных предметах, которые того заслуживают, с более веселыми чувствами, с вновь обретенной привычкой еще более невинно, еще более отчаянно предаваться радости, еще более ребячливей и в то же время во сто крат опытней, чем когда бы то ни было. О, какое отвращение должен теперь испытывать ты при виде старого наслаждения, этого грубого, угрюмого, коричневого наслаждения, как его обыкновенно понимают сами наслаждающиеся, наши «образованные», наши богачи, власть имущие! Как злит нас весь этот несусветный базарный гвалт, который подняли «образованные» люди и обитатели больших городов, позволяющие себя насиловать искусством, книгами, музыкой во имя «духовных наслаждений», при помощи духовных напитков! Как режут нам теперь слух эти театральные вопли страсти, сколь противно нашему вкусу все это романтическое смятение и волнение чувств, которое так любит образованная чернь, со всем ее честолюбивым стремлением к возвышенному, приподнятому, вычурному! Нет, если нам, выздоравливающим, и нужно искусство, то совсем *другое* — насмешливое, легкое, изящное, божественно безнаказанное, божественно искусное искусство, которое ярким пламенем взвивается к безоблачным небесам! И главное: искусство для художников и только для художников! Мы тогда лучше понимаем *то*, что *для этого* нужно прежде всего, — веселость, *разнообразная* веселость, любезные друзья! Теперь нам нужно это понять уже как художникам! — я хотел бы это доказать. Есть вещи, которые мы сейчас знаем слишком хорошо, мы, знающие: художники, отныне мы должны так же хорошо все забыть, так же хорошо *не* знать! И что касается нашего будущего, то мы едва ли будем следовать примеру тех египетских юношей, которые ночами пробираются в храм, обнимают изваяния, стгорая от желания

сорвать покров, открыть, явить миру все то, что не без основания сокрыто от посторонних глаз. Нет, этот дурной вкус, эта воля к истине, к «истине любой ценой», эта юношеская неистовость в любви к истине — вызывают у нас отвращение: для этого мы слишком уж опытные, слишком серьезные, слишком веселые, слишком прожженные... Мы уже больше не верим в то, что истина остается истиной, если с нее снят покров неизвестности; мы достаточно прожили на свете, чтобы верить в это. Теперь это для нас только вопрос приличия, и мы отнюдь не стремимся видеть все в обнаженном виде, везде присутствовать, все понимать, все знать. «А правда, что Господь Бог везде-везде? — спросила одна маленькая девочка свою маму. — Но ведь это же неприлично!» Намек философам! Следовало бы с большим почтением относиться к *стыдливости* природы, которая спряталась в загадках, укрывшись пестрым покровом неизведанного. Быть может, истина — всего лишь женщина, у которой есть все основания не выставлять себя напоказ до самого основания? Быть может, ее имя Баубо, если говорить по-гречески?.. О, эти греки! Вот кто умел *жить*: для этого нужно мужественно держаться на поверхности, за любую складку, за кожу, боготворить иллюзию, верить в формы, звуки, слова, в Олимп иллюзий! Эти греки были слишком неглубокими — *от глубины*! И не возвращаемся ли мы снова к тому же, мы, отчаянные смельчаки духа, мы, которые взошли на самые высокие, на самые опасные вершины современной мысли и уже оттуда по-новому взглянули на себя, мы, которые с вершины *посмотрели вниз*? Не являемся ли мы именно в этом — греками? Поклонниками форм, звуков, слов? И потому — художниками?

*Рута под Генуей.
Осень 1886*

СМЕХ, МЕСТЬ И ХИТРОСТЬ, ПРОЛОГ В НЕМЕЦКИХ ВИРШАХ

1. ПРИГЛАШЕНИЕ

Всех за стол зову, гурманы!
Нынче яства слишком пряны,
Завтра будут в самый раз.
Послезавтра, разохотясь,
Снова в гости соберетесь —
Я припас для вас припас.

2. МОЕ ПОНИМАНИЕ СЧАСТЬЯ

Искать — всегда немудрено,
Найти — куда труднее.
По ветру плыть не суждено —
Плыви еще быстрее!

3. НЕПРЕКЛОННОСТЬ

В землю вройся! Вниз и вглубь
Острою лопатой!
Хоть грозит земная глубь
Бездной бесноватой...

4. БЕСЕДА

А.: Болен был я? Стал здоров?
Обойдись без докторов?
Я забыл, как дело было...
Б.: Ты здоров без лишних слов:
Боль здоровье позабыло.

5. ИСПОЛНЕННЫМ ДОБРОДЕТЕЛИ

У добродетелей наших шаги как у строчек Гомера:
Явятся к нам — и хромать незамедлительно прочь.

6. ВСЯ МУДРОСТЬ МИРА

Сплошная грязь в болоте,
А в небе только басни —
И лишь в полуполете
Наш мир всего прекрасней!

7. ПОДРАЖАНЬЕ — ПОРАЖЕНЬЕ

Спеша за мною по пятам,
Со мной сравняться хочешь сам?
Чтоб не остаться позади,
Своей дорогою иди!

8. В ТРЕТИЙ РАЗ МЕНЯЯ КОЖУ

Зашевелилось все во мне,
На мне — зашелушилось.
На пир змее сойдет вполне
Земля, земная милость.

Уже, голодный, я ползу
По кручам и равнинам
И землю истоиво грызу
На пиршестве змеином!

9. МОИ РОЗЫ

Счастье! Счастье в свой черед
Непреклонно настанет!
Розы кто мои сорвет?

Кто, пройдя сквозь дождь и град,
Кто, попав под камнепад,
Ощутит их аромат?

Ибо счастье — это ад!
Ибо счастье — это гнет!
Розы кто мои сорвет?

10. ГОРДЕЦ

Слишком многое отринув,
Гордецом сльву... Бедняги!
Как напиться из кувшинов,
Не разлив, не опрокинув,
Не пролив ни капли влаги?

11. ИЗРЕЧЕНИЕ

Я прекрасен, безобразен,
Груб и нежен, чист и грязен,
Мудр и глуп, хитер и прост.
Я — в своем единстве — разен:
Крылья у меня — и хвост!

12. ЛЮБИТЕЛЮ ВНЕШНЕГО БЛЕСКА

С солнца ты не сводишь взора?
Значит, ты ослепнешь скоро.

13. ЛЮБИТЕЛЮ ТАНЦЕВ

Твой оплот —
Скользкий лед,
Если танец — не полет.

14. ГОРДОСТЬ

Не склеить дружбу никогда.
Уж лучше — целая вражда.

15. РЖАВЧИНА

У ржавого — к заточенным кинжалам
Претензия: почет — вещам бывалым!

16. ПОДЪЕМ

В чем суть удачных восхождений?
Вперед и вверх без размышлений!

17. КРЕДО ХИЩНИКА

Не проси у доброхота.
Отбери — и вся работа!

18. УБОГИЕ ДУШИ

Убогие души нельзя не оплакать:
Ни зла, ни добра в них, а сырость и слякоть.

19. СОБЛАЗНИТЕЛЬ ПОНЕВОЛЕ

Пускаешь шутки, ни в кого не метя?
Родятся дети — ты за них в ответе!

20. ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Два горя — много легче одного я
Перенесу. Откуда взять второе?

21. МЕЧТАТЕЛЮ

Тебя надули, как воздушный шар.
Укол тебя убьет, а не удар!

22. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

- Возьму ее — и верх возьму над нею!
- Своей уступкой верх возьму вернее!

23. ИСТОЛКОВАНИЕ

Себя не истолкую — истолку
В труху свою надежду и тоску.
Мой помысл истолкует только тот,
Кто все перетолковывать начнет.

24. СРЕДСТВО ПРОТИВ ПЕССИМИЗМА

Ничто не вкусно, говоришь?
Клянeshь талант своей стряпухи?
В твоей похлебке вечно мухи?
Ты в нужник, чуть поев, спешишь?
Послушай, друг мой! Коли так,
Во что я, правда, верю слабо, —
Зажмурь глаза и слопай жабу,
Да пожирней, чтоб самый смак!

25. ПРОСЬБА

Я мысль чужую повторяю:
Я знаю всех, себя не знаю.
Мои глаза — мои глаза:
Самих себя узреть нельзя.
В сторонку б отошел я, чтобы
Увидеть блеск своей особы, —

Но не в такую даль, как враг, —
Ведь даже друг далек — и как!
А вот меж ним и мной — середка...
Туда попасть прошу я кротко...

26. МОЯ КРУТОСТЬ

Иду по тысяче ступенек,
Кричит вослед мне современник:
«Ты крут, тебе сам черт не брат!»
Иду по тысяче ступенек,
Ступенькой быть — никто не рад.

27. ПУТНИК

Тропе конец! Внизу разверзлась бездна!
Ее ль ты ждал? Она ль тебе любезна?
Ее я ждал! Она любезна мне!
В опасность верю, в гибель — не вполне.

28. УТЕШЕНИЕ ДЕЛАЮЩЕМУ ПЕРВЫЕ ШАГИ

Злые свиньи ждут поживы —
И младенец на пути.
Что ж, ребеночек сопливый,
Не пора ль тебе пойти?

Если хныкать перестанешь
И ворочаться в траве,
Сразу на ноги ты встанешь —
И пойдешь на голове!

29. ОТКАЗ ОТ НЕБА

Когда бы не катил я бочку —
Без устали и в одиночку, —
Пришлось бы в небо воспарить
И крылья в пламени спалить.

30. БЛИЖНИЙ

Вблизи — я ближнему не рад.
Пусть в рай отправится, пусть в ад!
Ведь нет любви, где нет преград!

31. СВЯТОЙ В СУТАНЕ

Чтобы не дразнить нас светом,
Ходишь в черное одетым,
Словно служка Сатаны.
Тщетно!.. Вопреки приметам,
Взоры — благи полны!

32. НЕСВОБОДНЫЙ

А.: Стоит он, слушает, не дышит,
А на щеках — волнение пышет,
А на челе — витеет страх...
Б.: Как все, кто хаживал в цепях,
Он звон цепей повсюду слышит.

33. ОДИНОКИЙ

Не жду от вас ни брани, ни оваций.
Мне править лень — и лень повиноваться.
Себе не страшен — никому не страшен,
Лишь Страшному — возможно поклоняться!
Тоска традиций и тоска новаций...
Не лучше ли в пустыне затеряться?
Сродниться со зверями — и сродниться?
Вернуться, как на родину, из смуты,
Где счет ведут на частые минуты, —
Найти себя, с самим собой спознаться?

34. СЕНЕКА И ЕМУ ПОДОБНЫЕ

Необозримый
Перечень событий
Вы не ведите!
Вы их — объясните!

35. ЛЕД

Заготавливаю лед —
Ваши блюда охлаждаю, —
Да напрасно угождаю,
Раз еда не лезет в рот!

36. НАД ЮНОШЕСКИМИ ЗАМЕТКАМИ

Как умен я был! О да,
Как умен я был тогда!
Лишь потом пришли беда,
Горе, слабость и нужда...
Но читаю — без стыда...

37. ПРИЗЫВ К ОСТОРОЖНОСТИ

Опасны здесь места, нехороши,
Непроходимы для живой души.
Здесь духи неприютные живут —
Они тебя на части разорвут!

38. СПОР С ВЕРУЮЩИМ

— Бог создал нас и любит нас!
— Бог создан нами, — отвечаем, —
Мы в нем поэтому не чаем
Души! — И спор наш нескончаем,
А черт хромает возле нас.

39. ЛЕТНЕЙ ПОРОЙ

Велит нам Вера есть наш хлеб
В поту лица и тела.
— Обычай, — врач изрек, — нелеп,
И есть в поту не дело.
Под знаком Пса в ночи темно,
Не жди, чтоб заалело!
Мы будем пить свое вино
В поту лица и тела!

40. НЕ ВЕДАЯ ЗАВИСТИ

Он зависти, он алчности лишен —
И потому вас восхищает он?
Опомнитесь! Он вас в упор не видит!
Он к звездам выйдет — и в созвездья внидет!

41. В ДУХЕ ГЕРАКЛИТА

Есть на свете счастье —
Это смертный бой.
Рви врага на части,
Стой одной стеной!

Счастьем насладиться
Рать встает на рать.
Равенство — сразиться,
Братство — умирать!

42. ПРАВИЛО ЧЕРЕСЧУР ДЕЛИКАТНЫХ

На цыпочках лучше,
Чем на четвереньках,
В замочную скважину
Лучше, чем в двери!

43. СОВЕТ

Ты жаждешь славы? Если да —
И жаждать славы вправе, —
Изволь рассчитывать тогда
На полное бесславье!

44. ГЛУБОКИЙ УМ

Исследователь я? А ну,
Ответик вам сверну:
Я погружаюсь в глубину,
Но я иду ко дну!

45. НАВСЕГДА

— Прийти мне хочется сюда! —
Вот и приходит навсегда.
А может, поздно? Может, рано?
Не срок, а цель ему желанна.

46. ПРИГОВОР УСТАЛОСТИ

Не тянет их к самосожжению,
Им и деревья любви — тенью!

47. НИСХОЖДЕНИЕ

Он падает — кричат они, хохочут.
А он всего лишь — к ним спуститься хочет.
Он слишком счастлив был с самим собой.
Он — слишком свет, чтоб не пойти за тьмой.

48. ПРОТИВ ЗАКОНОВ

Итак, с сегодняшнего дня
Не существует для меня
Настольных и ручных часов,
Колоколов и петухов
И времени с его всегдашним
Наказом пленникам домашним,
А где остановило ход,
Там и законы все — не в счет!

49. ПРИЗНАНИЕ МУДРЕЦА

Народу чужд, но заодно с народом —
Под синим, под кромешным небосводом,
Погодам вопреки и непогодам!

50. ПОТЕРЯЛ ГОЛОВУ

Она умна — а дурую слыла.
Из-за нее, такие вот дела,
Сошел с ума умнейший обожатель.
А ум его — ей кстати ли, не кстати ль?

51. ПРАВЕДНЫЕ НАДЕЖДЫ

«Если б не было ключей,
А замки остались,
Те, чей лом потяжелей,
К власти бы прорвались!»
И, поигрывая ломом,
Он обходит дом за домом.

52. ПИСАТЬ НОГОЙ

Устал я вам писать рукой.
Писать ногой — вот выбор мой!

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСЕЛАЯ НАУКА

(«La gaya scienza»)

Перевод М. Корневой

Перевод стихов С. Степанова и В. Топорова

Из книги «Ессе Номо»	5
Смех, месть и хитрость, пролог в немецких виршах. . .	15
Книга первая	29
Книга вторая	88
Книга третья	141
Книга четвертая	201
Книга пятая	260
Песни принца Фогельфрая	336

Ницше Ф.

Н 70 Веселая наука («La gaya scienza») / Фридрих Ницше ; пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 352 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-10139-5

Фридрих Ницше — немецкий философ, филолог-классик, поэт, автор таких известных трудов, как «Рождение трагедии из духа музыки», «По ту сторону добра и зла», «Генеалогия морали», «Сумерки кумиров». В настоящем издании вниманию читателей предлагается глубокая и стилистически совершенная книга, написанная Ницше зимой 1881/82 года. Почти в каждой фразе «Веселой науки» («La gaya scienza») «глубина мысли сочетается с шаловливой легкостью — мудрость и резвость идут рука об руку как нежные друзья», философия здесь — озорство духа.

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

ФРИДРИХ НИЦШЕ
ВЕСЕЛАЯ НАУКА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.09.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 15,51.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-NFA-18165-05-R